

Эсхатологические сюжеты в романе Гайто Газданова «Призрак Александра Вольфа»

Хуайцзинь Ши

Аспирант

Столичный педагогический университет

Пекин, Китай

764162779@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Поступила в редакцию 05.03.2025

Принята 26.04.2025

Опубликована 30.05.2025

УДК 821.163.4-92

DOI 10.25726/v6445-8790-2870-k

EDN ZJATQX

БАК 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
(педагогические науки)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Аннотация

В статье рассматривается, как в произведении на философском и метафизическом уровнях создается уникальная «личная эсхатология», преодолевающая границы между жизнью и смертью и выходящая за рамки традиционного анализа виновности и травмы в психологическом аспекте. С помощью анализа текстовой структуры и семантики, акцента на символах вроде зеркал, призраков, циклического времени и на темах двойственности, граничных состояний сознания, а также интертекстуальной трактовки в свете религиозных и экзистенциалистских традиций выявлено, что эсхатологическая концепция в романе обусловлена «незавершенным убийством», ввергающим в вечный экзистенциальный кризис. Смерть утрачивает свою окончательность, становясь циклом испытаний, прошлое и настоящее переплетаются, реальность иллюзорна, как призрак. Темы войны, сновидений, отражений подчеркивают двойственность существования, вина трансформируется в метафизическую беседу с собственной тенью. Газданов перекодирует традиционную эсхатологию в индивидуальную трагедию, связанную с коллективным опытом эмигрантов и травмами гражданской войны. «Конец света» для героя становится метафорой морального разложения и безнадежности искупления, границы между реальным и иллюзорным стираются. В заключении отмечено, что роман, сочетая элементы экзистенциализма, философии и мистицизма, представляет собой многомерную картину человеческого существования в условиях вечного кризиса, а эсхатологическая тема выступает инструментом исследования внутреннего драматизма индивида в контексте смерти, вины и свободы.

Ключевые слова

эсхатологические мотивы, Гайто Газданов, экзистенциальный кризис, метафизика смерти, призрачность бытия.

Введение

Роман Гайто Газданова «Призрак Александра Вольфа» традиционно интерпретируется в рамках психологического анализа темы убийства и экзистенциальной вины. Однако за этим поверхностным слоем скрывается многослойное философское полотно, где трагедия отдельной судьбы преломляется в метафизическую параболу о природе бытия. Произведение выходит за рамки индивидуальной драмы, превращаясь в размышление о пограничных состояниях человеческого существования: между жизнью и смертью, памятью и забвением, конечностью и вечностью. Автор мастерски сплетает мотивы

эсхатологического характера – не как прямолинейной апокалиптики, но как трепетного предчувствия трансцендентного, где даже акт физического уничтожения становится началом мистического диалога между мирами.

Проблематика исследования коренится в односторонности существующих трактовок: литературоведение, сосредоточившись на психологизме персонажей, игнорирует онтологическую амбивалентность текста. Если анализ мотивации объясняет поступки героев, он остается бессилем перед символическим измерением романа: призрачной двойственностью реальности, инверсией времени, экзистенциальным «зависанием» между эпохами. Эти элементы требуют герменевтического подхода, раскрывающего гносеологический кризис послевоенного сознания, воплощенный через поэтику мистического реализма.

Катализатором сюжета становится парадокс памяти: герой, совершивший роковой выстрел в годы Гражданской войны, обнаруживает в парижском журнале рассказ Александра Вольфа, детально воспроизводящий ту самую сцену убийства (Вельтман, 2005). Как отмечает С.А. Кибальник, «это столкновение двух версий одного события создает в романе особую онтологическую неопределенность, где смерть теряет свою окончательность» (Кибальник, 2011). Подобная нарративная бифуркация разрушает линейность времени: прошлое вторгается в настоящее не как воспоминание, а как альтернативная реальность, где жертва и палач меняются ролями в бесконечном цикле экзистенциального противоборства.

Центральный парадокс романа – превращение смерти в форму продолжения жизни. Смертельный выстрел становится не финалом, а инициацией в пространство метафизического диалога. Здесь угадывается реминисценция архаических мифов о вечном возвращении, переосмысленных через призму модернистской эстетики: «мертвец» возвращается не как призрак, а как нарративный двойник, чье текстовое воплощение стирает грань между материальным и духовным. Война, выступающая фоном, обретает черты космической катастрофы, после которой привычные онтологические категории теряют силу.

Материалы и методы исследования

Эсхатологический подтекст произведения напрямую связан с опытом эмиграции как экзистенциального «конца света». Разрушение исторической России становится для героев персональным апокалипсисом, трансформирующимся в метафору вселенского перерождения. Как верно подчеркивается в исследовании, эмигрантская литература часто кодировала коллективную травму через архетип Страшного суда, где частная судьба обретала универсальное звучание. Эта мысль перекликается с концепцией Ф. Кермоды о «чувстве конца», структурирующем нарратив: «Мы нуждаемся в согласованности, заставляющей конец резонировать с началом, придавая смысл тому, что было между ними» (Kermode, 2000). У Газданова же «согласованность» подменяется метафизической игрой, где начало и конец циклически порождают друг друга.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью ревизии литературного канона русской эмиграции. Газдановское творчество, долгое время остававшееся на периферии академического внимания, требует прочтения через призму философского модернизма, где эсхатология становится не религиозной доктриной, а языком описания экзистенциального кризиса. Цель работы – выявить, как через поэтику призрачности автор конструирует новую модель бытия, где дихотомия «живое/мертвое» уступает место трансцендентному синтезу, а индивидуальная трагедия преобразуется в универсальный миф о вечном возвращении.

Результаты и обсуждение

Однако «конец» здесь не означает классического апокалипсиса с глобальной катастрофой, а представляет собой перманентно наступающий личный апокалипсис. Каждый из персонажей фактически проходит через свои «концы света», умирая в душевном плане и воскресая в новом качестве. В этом плане можно отчасти говорить о перерождении героя как о символическом обновлении. Газданов

создает такую структуру, когда культурные коды традиционного религиозного понимания конца времен накладываются на проекцию индивидуальной трагедии.

Центральным эсхатологическим мотивом романа является идея неокончателности смерти, которая проявляется уже в самом заглавии – «Призрак Александра Вольфа». Герой, считающий себя убийцей, неожиданно обнаруживает, что его жертва, возможно, жива. Эта ситуация создает особое метафизическое напряжение, разрушающее привычную онтологическую границу между жизнью и смертью. «В ту секунду, когда я прочел эти строки, мне показалось, что я теряю сознание. Это было описание того, как однажды в южнорусской степи, во время гражданской войны, автор этой книги был ранен в грудь казаком, который стрелял в него почти в упор, ранним летним утром, после короткой погони верхом» (Газданов, 2000). Текст Вольфа становится своеобразным свидетельством из загробного мира, пересекающим границу между жизнью и смертью.

По сути, здесь нет масштаба глобального исчезновения всего человечества, зато есть острейшее чувство личного конца, который предстоит разделить с кем-то, уже «ушедшим» или считающимся мертвым. Точка пересечения личного экзистенциального кошмара и вечных эсхатологических вопросов возникает именно в переживании героя, преследуемого мыслью о своей причастности к убийству, которое, возможно, убийством и не было. Эта двойственность выводит персонажа из линейного исторического времени и погружает в измерение, где грядущий конец может оказаться не более чем сменой одной фазы другой.

Характерно описание Вольфа при первой встрече: «Он был очень бледен, и его лицо напоминало маску, казалось, оно было сделано из какого-то мертвого материала, настолько неподвижны были его черты» (Газданов, 2000). Этот портрет подчеркивает лиминальность Вольфа – его пребывание на границе между жизнью и смертью.

Варварская реальность Гражданской войны, случайные выстрелы и трагическая цепь последствий формируют у героя сознание, близкое к ощущению обрушения мира (Газданов, 2000). Но при этом характерно, что мировая история, революции и конфликты не занимают центрального места в структуре романа, а служат своего рода антуражем, в котором сформировался внутренний кризис героев. Личная вина, страх перед собственной невиновностью, а также постоянное присутствие чужого взгляда (чужой судьбы) действуют подобно катализатору, который обостряет ощущение конца. Показательно описание состояния героя во время роковой погони: «Это было особенное, не испытанное мною до тех пор чувство: смесь сожаления, сострадания и безразличия. И тогда, глядя на его удалявшуюся спину, я подумал о том, что мне нужно его убить, что я не могу его не убить... Я выстрелил в него, почти не целясь» (Газданов, 2000). Этот эпизод демонстрирует, как война превращает убийство в механический акт, лишенный моральной рефлексии.

Интересен и мотив судьбы и рока: будто бы стреляющий обречен столкнуться с последствием своего поступка, причем последствие это не ограничивается обычными земными рамками. Оно приобретает характер старинного «проклятия», когда убитый возвращается и тем или иным образом преследует убийцу, невидимо направляя его жизненный путь. В романе это преследование выражается в новом прочтении собственных воспоминаний, которые герой пытается узнать через чужой текст. По мнению У. Оуэна, «военная травма создает в сознании особую временную структуру, в которой прошлое постоянно вторгается в настоящее, разрушая линейность восприятия времени» (Owen, 2004). В романе Газданова это проявляется в том, как воспоминание о выстреле преследует героя, не позволяя ему окончательно порвать с прошлым. Война создает то, что М. Хайдеггер называет «экзистенциальным разрывом» – состоянием, когда человек оказывается выброшен из привычного потока времени и вынужден заново осмысливать свое существование (Хайдеггер, 1997). Таким образом, одно и то же событие оказывается дано в перспективе двух составляющих: то ли герой убил Вольфа, то ли не убил. Здесь появляется угроза превращения человеческого существования в бесконечное повторение испытания, будто бы в вечное возвращение одного и того же сюжетного узла (Камю, 1990). Подобная цикличность напрямую ассоциируется с ростом эсхатологических настроений, так как предполагает неизбежную катастрофу при любом развитии событий.

Важная часть эсхатологических мотивов в романе связана с ощущением «пустоты» и «призрачности», которые сопровождают образы героев. Сама фигура Александра Вольфа – уже наполовину призрак, наполовину живой человек. Когда же герой пытается увидеть его как реального человека, тот снова ускользает. Такая неопределенность напоминает мифологические представления о душе, находящейся между жизнью и смертью.

В контексте романа, где один человек не может быть уверен в смерти другого, возникает своеобразная «неуничтожаемость». В ряде религиозных эсхатологических текстов душа грешника оказывается вынуждена бродить между мирами, не имея возможности покинуть земное существование и не получая полноценных возможностей для очищения. Здесь же Газданов показывает, что убийство становится не столько грехом, сколько стимулом к появлению призрачного двойника – того самого Александра Вольфа, чье существование ставит героя перед вопросом: «Кто же умер тогда на поле боя?». И этот вопрос становится бесконечным, выводя сознание рассказчика из привычных категорий времени.

Как отмечает А.В. Злочевская, «мистический реализм XX века часто использует образ двойника как способ визуализации внутреннего раскола личности перед лицом смерти» (Злочевская, 2007). В романе это воплощается в особой призрачности Вольфа, которого герой воспринимает как материализацию собственной вины: «Мне показалось, что я смотрю в зеркало, и то, что я вижу, это не человек, а отражение моей судьбы» (Газданов, 2000). С другой стороны, «Призрак Александра Вольфа» можно интерпретировать и как путешествие в инобытие, где сам рассказчик постепенно приближается к ответу на свой главный экзистенциальный вопрос. Смерть, которая должна была состояться как единичное событие, разделяющее жизнь на «до» и «после», оказывается размытой, такой, что не приносит разрешения конфликта. Герой продолжает жить, но испытывает ощущение, что его жизнь – это мнимость, связанная с таинственным обещанием новых встреч с тем, кого он, возможно, убил.

Газдановская проза отличается тонким вниманием к теме сна и пограничных состояний. Часто именно в пределах сна происходит осознание героем тайных смыслов собственной истории. Сон или полусонное состояние в романе выполняет функцию раскрытия потаенных пластов памяти, как будто именно там, в пространстве неких субреальностей, находится истина об Александре Вольфе и о соответствующем выстреле.

Примечательно описание сна героя: «Мне снилось, что я снова скачу по степи, преследуя человека в белой рубашке, но теперь я знаю, что это Александр Вольф, и что, убив его, я убью часть себя» (Газданов, 2000). Этот сон является не просто воспроизведением прошлого, но и пророчеством о будущем, создавая эффект темпоральной петли, характерной для эсхатологического сознания. В эсхатологическом плане сон часто трактуется как метафора смерти или перехода, когда сознание человека может блуждать за границами привычного мира. Уход в сон приравнивается к небольшому, но символическому «концу», а пробуждение уподобляется обновлению бытия. Поэтому, когда герой погружается в мысль о своей прошлой вине и пытается разыскать Вольфа, он фактически балансирует между реальностью и иллюзией, рассматривая себя уже наполовину «там», в пространстве, где мертвые могут быть живыми.

М. Элиаде отмечает, что «в архаических культурах сон часто воспринимался как временная смерть, как путешествие души в иные миры» (Элиаде, 1998). В романе Газданова эта архаическая концепция переосмысливается: сон становится пространством, где герой может встретиться с тем, кого он считал мертвым, то есть пересечь границу между мирами. Характерно также состояние героя после прочтения рассказа Вольфа: «Я испытывал то странное ощущение, которое возникает иногда во сне, когда знаешь, что спишь, и делаешь усилие, чтобы проснуться, – и не можешь» (Газданов, 2000). Это состояние между сном и бодрствованием соответствует эсхатологическому «времени ожидания» – периоду между концом прежнего мира и началом нового, который в христианской традиции соотносится с состоянием души после смерти.

Мотив экзистенциального выбора усиливает эсхатологическое напряжение романа. Постоянная неопределенность в вопросе жизни Александра Вольфа погружает рассказчика в пограничное состояние ожидания, напоминающее христианскую эсхатологию Страшного суда с ее установкой на духовную

бдительность. Однако у Газданова эта встреча обретает не метафизический, а экзистенциальный смысл: герой сталкивается не с божественным судом, а с необходимостью личного искупления через саморефлексию. Этот «конец» возникает на грани внутреннего признания вины и попытки бегства от нее, материализуясь в образе Вольфа – двойника-прокурора, чье появление способно завершить земное существование персонажа.

Показательна реплика Вольфа перед кульминацией: «Вы знаете, что я должен был умереть тогда, в степи. Я был уже мертв, когда пуля вошла в мое тело. Но какая-то сила удержала меня на этой стороне» (Газданов, 2000). Этот лиминальный статус между жизнью и смертью превращает его в экзистенциальное воплощение неразрешенной вины. Газданов достигает сверхъестественного эффекта без мистицизма, противопоставляя рутину эмигрантского быта с тревожными вторжениями иррационального, где «жертва» может оказаться судьей.

Конфликт приобретает эсхатологическую окраску через двойственность возможного финала: физическая гибель героя уравнивается с психическим распадом, стирающим границы реальности. Апокалипсис становится персонализированным – частный случай обнажает экзистенциальную хрупкость человеческого существования. Примечательно, что воздаяние утрачивает моральную определенность: непрерывный самосуд сознания, где обвиняемый и судья сливаются в одном лице, превращает жизнь в перманентное ожидание конца. Как отмечает И. Заманская, «в экзистенциальной литературе XX века время часто теряет свою линейность, превращаясь в цикл повторений, где каждый момент содержит в себе все прошлое и будущее» (Заманская, 2002). Прошлое становится тотальной реальностью, поглощающей настоящее, а будущее – лишь проекцией неразрешенного экзистенциального долга.

Роман «Призрак Александра Вольфа» выстраивает повествование на пересечении личной и коллективной эсхатологии. Герой, погруженный в пространство «пропавшего времени», существует в состоянии экзистенциального поиска, где ожидание развязки приобретает черты судного часа. Газданов мастерски усиливает это напряжение, создавая ощущение неизбежности критической точки – момента истины, где личная вина (убийство, преследующие видения) сталкивается с исторической травмой эмиграции.

Кульминационная сцена дуэли в романе открывает выход из эсхатологического кризиса: символический выстрел («теперь все действительно кончено» (Газданов, 2000)) становится попыткой «восстановить порядок», вернув Вольфа в мир мертвых. Именно этот кадр разрушает зеркальное отражение и возвращает главного героя в теплую реальность. То, что автор критикует в тексте, – это направление мысли, которое находится в самозаточении, погружено в мир прошлого и оторвано от реальности, отрицая будущее (Куань, 2019). Образ призрака Вольфа, выполняющий функцию «воскресшего мертвеца», становится символом непримиренности судеб: он не столько воплощает загробный мир, сколько материализует невозможность разрешения конфликта между жизнью и смертью. Эта амбивалентность отражает эмигрантский опыт как «конец прежней России», где потеря родины уподобляется апокалипсису – крушению всего уклада с необходимостью строить жизнь заново.

Газдановская эсхатология проявляется в слиянии двух планов: личный апокалипсис – утрата иллюзий через «момент абсолютной ясности», сравнимый с откровением Судного дня; коллективная катастрофа – опыт эмиграции как распад прежнего мира. Этот синтез превращает историю отдельного человека в проекцию судьбы поколения, где «конец света» становится метафорой радикального перерождения – как для героя, так и для утраченной родины.

Заключение

Газданов в романе «Призрак Александра Вольфа» создает сложную сеть символов и аллюзий, связанных с эсхатологической темой, в которой смерть и конец света представлены не как внешние события, а как внутренний процесс героя. Роман сочетает психологическую напряженность и стилистическую элегантность, сохраняя эффект недосказанности, который становится органичным элементом эсхатологического восприятия. Герой, пытаясь понять, жив ли Вольф, сталкивается с вечной неясностью, символизирующей «скрытый апокалипсис», когда граница между жизнью и смертью стирается.

Роман наполнен метафизическими мотивами: истина о смерти Вольфа распадается на фрагменты снов, воспоминаний и встреч, оставляя героя в атмосфере вечного сомнения. Чтение текста Вольфа сравнивается с интерпретацией «священного текста», где истина остается неопределенной, как в эсхатологическом контексте чтения апокалипсических пророчеств. Газданов подчеркивает, что смерть не является мгновенным финалом, а представляет собой медленный процесс распада, в котором герой погружается в тень прошлого, не находя сил оторваться. Роман также исследует тему вины и искупления, связывая их с философскими вопросами о природе жизни и смерти. Герой, столкнувшись с возможностью того, что его жертва все еще жива, вынужден переживать «второе пришествие» Вольфа, которое становится метафорическим «судом» над его совестью. В отличие от классических апокалиптических видений, здесь конец света интимен и внутренен, связан с личной трагедией и неразрешимым конфликтом между прошлым и настоящим.

Газданов сохраняет баланс между трагедией и надеждой, оставляя пространство для личного катарсиса. Роман не дает прямых ответов, но предлагает символическое приближение к грани между жизнью и смертью, оставляя читателя в напряженном ожидании. В этом его мастерство: он не навязывает готовых формул, а ставит глубинные вопросы о природе конца, смерти и вины, делая роман универсальным воплощением столкновения человека со своей тенью и страхом.

Список литературы

1. Вельтман М. П. Исторический контекст литературы русской эмиграции: моногр. СПб.: Академический проект, 2005. С. 76-92.
2. Газданов Г. Призрак Александра Вольфа. Сочинения: в 2 т. М.: XYZ, 2000. Т. 1. С. 5-156.
3. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе 20 века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта; Наука, 2002. С. 123-129.
4. Злочевская А.В. Три лика «мистического реализма» XX в.: Г. Гессе – В. Набоков – М. Булгаков // Opera Slavica. 2007. № 3. С. 43-51.
5. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 24-92.
6. Кибальник С.А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб.: Петрополис, 2011. С. 75-83.
7. Куань Янь. Воображение и реальность: зеркальная симметрия в романе Газданова «Призрак Александра Вольфа» // Litera. 2019. № 4. pp.118-127.
8. Матвеева Ю.В. Русская литература зарубежья: три волны эмиграции XX века: уч.-мет. пос. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2017. 92 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 264-278.
10. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетейя, 1998. - С. 90-124.
11. Kermode F. The sense of an ending: studies in the theory of fiction. Oxford: Oxford University Press, 2000. pp. 15-31.
12. Owen W. War trauma and cultural memory. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. pp. 201-215.

Eschatological plots in Gaito Gazdanov's novel «The Ghost of Alexander Wolf»

Huaijin Shi

PhD student

Capital Normal University

Beijing, China

764162779@qq.com

ORCID 0000-0000-0000-0000

Received 06.03.2025

Accepted 27.04.2025

Published 30.05.2025

UDC 821.163.4-92

DOI 10.25726/v6445-8790-2870-k

EDN ZJATQX

VAK 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education) (pedagogical sciences)

OECD 05.03.HB. EDUCATION, SCIENTIFIC DISCIPLINES

Abstract

The article examines how the work, on philosophical and metaphysical levels, creates a unique “personal eschatology” that transcends the boundaries between life and death and goes beyond the traditional psychological analysis of guilt and trauma. Through an analysis of textual structure and semantics—focusing on symbols such as mirrors, ghosts, cyclical time and on themes of duality and liminal states of consciousness—as well as an intertextual interpretation in the light of religious and existentialist traditions, it is revealed that the eschatological concept in the novel is driven by an “unfinished murder” that plunges the protagonist into an eternal existential crisis. Death loses its finality, becoming a cycle of trials; past and present intertwine, and reality is as illusory as a phantom. Themes of war, dreams, and reflections underscore the duality of existence, and guilt transforms into a metaphysical dialogue with one’s own shadow. Gazdanov recodes traditional eschatology into an individual tragedy connected to the collective experience of émigrés and the traumas of the civil war. For the hero, the “end of the world” becomes a metaphor for moral decay and the hopelessness of redemption, as the boundaries between the real and the illusory are erased. In conclusion, it is noted that the novel—combining elements of existentialism, philosophy, and mysticism—presents a multidimensional portrait of human existence under conditions of perpetual crisis, with the eschatological theme serving as a tool for exploring the inner drama of the individual in the context of death, guilt, and freedom.

Keywords

eschatological motifs, Gaito Gazdanov, existential crisis, metaphysics of death, the spectral nature of being

References

1. Veltman M. P. Historical Context of the Literature of the Russian Emigration: Monograph. St. Petersburg: Academic Project, 2005. Pp. 76–92.
2. Gazdanov G. The Ghost of Alexander Wolf. Works: in 2 vols. Moscow: XYZ, 2000. Vol. 1. Pp. 5–156.
3. Zamanskaya V. V. The Existential Tradition in 20th-Century Russian Literature. Dialogues at the Turn of the Centuries. Moscow: Flinta; Nauka, 2002. Pp. 123–129.
4. Zlochevskaya A. V. The Three Faces of “Mystical Realism” of the 20th Century: H. Hesse – V. Nabokov – M. Bulgakov // Opera Slavica. 2007. No. 3. Pp. 43–51.
5. Camus A. The Rebel. Moscow: Politizdat, 1990. Pp. 24–92.
6. Kibalnik S. A. Gaito Gazdanov and the Existential Tradition in Russian Literature. St. Petersburg: Petropolis, 2011. Pp. 75–83.
7. Kuan Yan. Imagination and Reality: Mirror Symmetry in Gazdanov’s Novel The Ghost of Alexander Wolf // Litera. 2019. No. 4. Pp. 118–127.
8. Matveeva Yu. V. Russian Literature Abroad: Three Waves of Emigration in the 20th Century: Educational-Methodical Manual. Yekaterinburg: Ural University Press, 2017. 92 p.
9. Heidegger M. Being and Time. Moscow: Ad Marginem, 1997. Pp. 264–278.
10. Eliade M. The Myth of the Eternal Return. St. Petersburg: Aletheia, 1998. Pp. 90–124.

11. Kermode F. The Sense of an Ending: Studies in the Theory of Fiction. Oxford: Oxford University Press, 2000. Pp. 15–31.
12. Owen W. War Trauma and Cultural Memory. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Pp. 201–215.